
ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С началом Второй мировой войны в связи с коренными изменениями общей геополитической ситуации СССР активно использовал возможности укрепления своей безопасности, в результате чего ему удалось отодвинуть западные границы на 250–300 км.

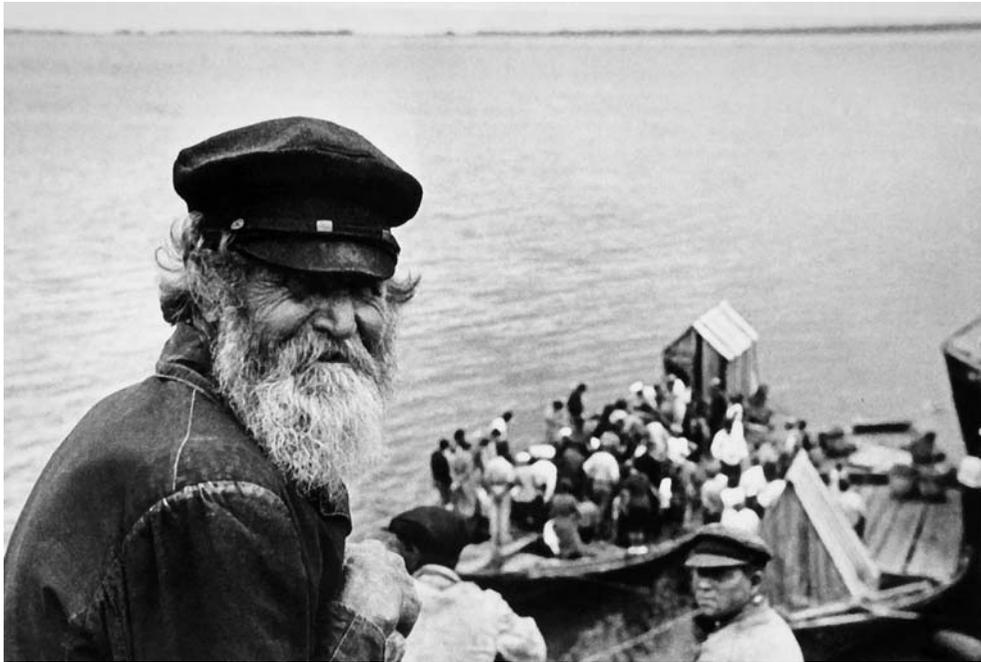
В начале ноября 1939 г. в результате похода Красной армии в Польшу Западная Украина была включена в состав Украинской ССР, а Западная Белоруссия — в состав БССР. По итогам Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. СССР смог существенным образом укрепить безопасность Ленинграда. Новая граница на Карельском перешейке была отодвинута более чем на 150 км и установлена по линии севернее Выборга и Сортавала — там, где в 1712 г. ее провел Петр I по итогам Северной войны. Кроме того, Советский Союз получил право на создание на полуострове Ханко своей военно-морской базы, а также брал под свой контроль стратегически важные острова в восточной части Финского залива. Карельский перешеек с г. Выборгом был включен в состав Ленинградской области, а остальные территории отошли к Карельской АССР, которая 31 марта 1940 г. была преобразована в Карело-Финскую ССР. 2 августа 1940 г. была образована Молдавская Советская Социалистическая Республика. В ее состав вошли часть прежней Молдавской АССР, а также центральные уезды Бессарабии, захваченные Румынией в 1918 г. и возвращенные по итогам мирного решения советско-румынского конфликта. Северная Буковина вместе с тремя уездами Бессарабии перешла к Украинской ССР. 3 августа 1940 г. в состав Советского Союза была принята Литовская, 5 августа — Латвийская, 6 августа — Эстонская Советские Социалистические Республики.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны СССР состоял из 16 союзных республик: РСФСР, Азербайджанской, Армянской, Белорусской, Грузинской, Казахской, Карело-Финской, Киргизской, Латвийской, Литовской, Молдавской, Таджикской, Туркменской, Узбекской, Украинской и Эстонской. Ряд союзных республик, в свою очередь, имел в своем составе автономные образования. 16 автономных республик входили в РСФСР, две — в Грузию, по одной — в Азербайджан и Узбекистан. Кроме того, в РСФСР входило 15 автономных областей и национальных округов.

Общая площадь СССР к началу Великой Отечественной войны составляла более 22 млн кв. км¹. На территории нашего государства проживали 195 млн человек (по другим данным — 196,7 млн)².

Административно-политическое устройство и население СССР

Предвоенный СССР был многонациональным государством. Самой большой по территории и сложной по национальному составу республикой являлась РСФСР. По состоянию на 1940 г. ее площадь составляла 17 млн кв. км, то есть 76% всей территории Советского Союза;

Старик-волжанин

На улице Самарканда

Девушка-кабардинка

Маленькие граждане большой страны

Дети довоенной поры

Умершие от голода. 1930-е гг.

в России проживали представители более 100 народов и народностей. Основную часть ее населения составляли русские (более 82% от общего числа жителей)³. В европейской части РСФСР жили также украинцы, белорусы, поляки, евреи, татары, башкиры, чувашаи и другие народы Поволжья. Самый разнообразный этнический состав населения был на Кавказе: армяне, грузины, азербайджанцы, чеченцы, кабардинцы, аварцы, осетины, лезгины, ингуши, балкарцы и многие другие народности. На севере европейской части Российской Федерации значительную группу населения представляли коми, карелы и финны. В районах Западной Сибири, граничащих с Казахстаном, проживали казахи. В Сибири кроме бурятов и якутов компактно обитали хакасы и ойраты. На севере азиатской части РСФСР проживали эвенки, ненцы, ханты, чукчи, нанайцы и другие малочисленные народности.

К началу Великой Отечественной войны большая часть населения Советского Союза — свыше 130 млн человек (около 68%) проживала в сельской местности. Городских жителей насчитывалось, по разным данным, 60–63 млн человек, или немногим более 30% всех граждан. В Российской Федерации, по различным оценкам, проживали 108–110 млн человек⁴. Соотношение сельских и городских жителей в РСФСР в целом соответствовало общесоюзным показателям: 66,5% — в деревне и 33,5% — в городах⁵. Основная масса горожан была сосредоточена в европейской части республики. Численность городского населения в азиатской части была сравнительно невелика. Сибирь и Дальний Восток еще только начинали по-настоящему осваиваться.

1939–1940 гг. были отмечены проявлением ряда неблагоприятных тенденций в демографической сфере. Уменьшилась рождаемость в стране. Если в 1939 г. в СССР родились 7,6 млн человек, то в 1940 г. — около 7 млн. Увеличилась и смертность — до 4,2 млн человек в 1940 г. В результате коэффициент естественного прироста населения снизился в том же году до 14,7% против 21,5% в 1939 г. Средняя продолжительность жизни сократилась у мужчин с 40,5 года в 1939 г. до 38,6 года в 1940 г., а у женщин, соответственно, — с 46,8 до 43,9 года⁶.

В РСФСР в 1940 г. коэффициент рождаемости составлял 33% (3,7 млн человек против 4,2 млн в 1939 г.). Правда, в 1940 г. несколько снизилась смертность населения, составившая 20,6% (2,3 млн человек против 2,1 млн в 1939 г.). Коэффициент естественного прироста за счет понижения рождаемости составил в 1939 г. 12,4%. Несколько сократилась в РСФСР и ожидаемая продолжительность жизни. В 1940 г. этот показатель составил у мужчин 35,7 года, у женщин — 41,9 года.

Негативные явления в демографическом развитии накануне Великой Отечественной войны во многом были следствием сложных и противоречивых социально-экономических и политических процессов 1920–1930-х гг. Некоторые из них, такие как эмансипация женщин и разрушение традиционной крестьянской семьи, соответствовали общемировым тенденциям модернизации жизни. Другие, как, например, индустриализация и коллективизация, имели сугубо отечественную специфику. Миграции населения, тяжелые условия напряженного труда в промышленности и строительстве, политика коллективизации и раскулачивания на селе, обострение политической борьбы не способствовали высокой рождаемости. К тому же все еще сказывались тяжелые последствия голода 1932–1934 гг. По материалам переписей 1937 и 1939 гг. видно, что во многих ранее охваченных голодом регионах страны население так и не восстановило своей прежней численности⁷.

Большие людские потери в Первой мировой и Гражданской войнах деформировали возрастную-половую состав населения: дисбаланс в соотношении полов в 1920-е гг. измерялся цифрой в 5 млн человек в пользу женщин, которые составляли 51,7% всего населения страны. К 1937 г. мужчин было меньше, чем женщин, уже на 8,5 млн, доля которых в структуре населения СССР достигла к этому времени 52,7%, причем диспропорция полов наблюдалась и в молодых возрастных группах. Увеличивалась разница средней продолжительности жизни мужчин и женщин, это соотношение в отдельных регионах доходило до 1:1,5⁸.

В возрастной структуре обозначились новые демографические проблемы. Первая из них наблюдалась в возрастной группе детей от двух до четырех лет. Ее удельный вес среди других возрастных групп упал в 1937 г. до 11% против 15,2% в 1926 г. Уменьшилась и численность

Девушка-узбечка за работой

На текстильной фабрике

возрастных групп 15–19 лет. Это было прямо связано с низкой рождаемостью в военные и первые послевоенные годы. В 1926 г. представителям этих возрастных групп было 5–9 лет, и они составляли 10% населения, а в 1937 г. их удельный вес снизился до 8%⁹. Если 13-летних было почти 4 млн, то 16-летних — только 2,6 млн, а 17-летних — 2,5 млн. Следует отметить, что именно люди 1917–1921 гг. рождения составили значительную часть призывников в 1941 г.

Таким образом, в возрастно-половой структуре населения СССР сохранялись прежние и формировались новые проблемы. Тем не менее в ней наблюдалось выраженное преобладание молодых людей: лица старше 60 лет составляли менее 7%, дети и подростки — 36,6%, а молодые люди 15–29 лет — 26,5% от общей численности населения¹⁰.

Сложные политические и социально-экономические процессы, начало которым положила революция 1917 г., существенно изменили к концу 1930-х гг. социальный облик СССР. Советское общество состояло в основном из рабочих, крестьян и служащих.

По сравнению с 1920-ми гг. в материалах Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг. уже не числились ни рабочие частных предприятий (которые к этому времени были национализированы), ни хозяева с наемными рабочими, ни безработные (последняя биржа труда была закрыта в 1930 г.). Хозяева, не использовавшие наемный труд, были названы «единоличниками». Возросли численность и удельный вес рабочих и служащих государственных предприятий и учреждений (соответственно 30,2 и 15,6%), кооперированного населения (43,5%), особенно в сельском хозяйстве. Сохранились кооперированные кустари (0,5%) и служащие промкооперации (0,4%)¹¹. Анализ отраслевой структуры занятости рабочих и служащих по переписи 1937 г. показывает, что эти группы в основном были представлены в промышленности и сельском хозяйстве. Явно отставали по степени занятости коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание.

Основная масса рабочих страны была сосредоточена в РСФСР. К 1939 г. рабочие в РСФСР составляли две трети городского населения и одну пятую сельского. Больше всего рабочих было занято в металлургической промышленности (токари, фрезеровщики, сталевары, литейщики, прокатчики). Они трудились также в машиностроении, в топливной, рудодобывающей и каменноугольной промышленности. Наиболее высокая грамотность была у металлистов: у мужчин — 98%, у женщин — 94%. Среднее образование имели на 1000 человек: у мужчин — 180, у женщин — 107. Среди металлистов было много учащихся, преимущественно в техникумах (97 человек на 1000). Здесь преобладали люди молодого возраста (43% мужчин принадлежали к возрастной группе 20–29 лет).

Традиционными рабочими профессиями являлись слесари, кузнецы. Среди них преобладали лица 30–39-летнего возраста. Уровень грамотности у них тоже был довольно высок — 92%. В машиностроении самой распространенной являлась профессия механика-рабочего. В переписях 1937 и 1939 гг. были зафиксированы новые рабочие специальности, связанные с освоением нового оборудования и возникновением новых производств: электро- и автогеносварщики, электромонтеры, трубопроводчики (наиболее распространенный возраст — 20–29 лет, грамотность — 99%).

Крупной группой рабочих были горняки и нефтяники, работавшие в горнодобывающей и нефтедобывающей промышленности. В ней преобладала возрастная группа от 20 до 39 лет. Грамотных мужчин также было больше, чем женщин: 90% против 76%. Среди мужчин 58% имели среднее образование. Перспективной была работа на силовых установках (электро-топливные станции). Среди их персонала преобладающей возрастной группой была 20–39 лет. Грамотность у мужчин здесь достигала 96%, у женщин — 89%. Среднее образование имели 10%. В легкой, текстильной, трикотажной и швейной промышленности преимущественно использовался женский труд (от общего числа занятых лишь 23% составляли мужчины), при этом довольно представительной была группа лиц среднего и пожилого возраста. В строительстве в РСФСР было занято более 1 млн человек, причем женщины составляли всего 5%. Здесь выделялись новые профессии — экскаваторщики и бетонщики, которые имели грамотность 100%¹². Среди электросварщиков преобладали лица со средним образованием.

В заводском цеху

Ташкентские студентки готовятся к занятиям

Урок в одной из школ Латвийской ССР

Коммунальное хозяйство и сфера обслуживания развивались недостаточно активно. Это подтверждает, в частности, узкий набор профессий рабочих, занятых в этих отраслях: дворники, мойщики, разносчики, истопники и домработницы. Многочисленной была группа чернорабочих, не имеющих квалификации, пополнявшаяся в основном из деревень. К этой категории принадлежали мужчины и женщины, как правило, молодого возраста.

Колхозное крестьянство составляло более 40% в самодеятельном населении страны. В основном это были колхозники-земледельцы. Появились и новые профессии. Среди них большая группа имела отношение к организации труда в колхозах: звеньевые, бригадиры полеводческих и животноводческих бригад. Вторая группа представителей новых профессий была связана с сельскохозяйственной техникой: трактористы, комбайнеры, машинисты и прочие. Однако эти профессии еще не являлись массовыми. Значительную группу составляли работники, трудившиеся в области животноводства: зоотехники, доярки, конюхи.

Кроме колхозного крестьянства в деревне проживали 22% сельскохозяйственных рабочих (рабочие совхозов). Демографические характеристики этих двух категорий сходны. Новыми профессиями овладевали в основном мужчины в возрасте от 20 до 29 лет. 35% имели среднее образование. Среди работников, связанных с животноводством, было большое количество женщин в возрасте от 19 до 50 лет и старше.

Большая группа населения была занята в сфере культуры, науки, техники, образования, медицины. Основные возрастные группы — от 20 до 60 лет. В составе интеллигенции присутствовали как специалисты «старой», дореволюционной школы, так и «выдвиженцы», которые получали образование уже при советской власти. Среди них было много выходцев из семей служащих. Сельскую интеллигенцию представляли агрономы, учителя, врачи, фельдшеры, фармацевты, ветеринары.

Среди управленцев самым многочисленным был административно-руководящий персонал различного рода государственных учреждений. Значительная часть кадров управленческого аппарата государственных учреждений была представлена лицами зрелого возраста (30–39 лет) — до 45%. Весомую долю составляла молодежь 25–29 лет — 25,7%, люди старше 50 лет — не более 4%, 60 лет — не более 1%. А вот среди руководителей промышленных предприятий молодежь 20–24 лет насчитывала всего 3,3%, зато сотрудники 40–59 лет составляли большинство — 52,4%. Грамотность кадров государственного аппарата достигала 99,7%, но лишь около 30% составляли лица со средним образованием, а с высшим — менее 7%. Только 20,5% представителей высшего звена управленческого аппарата имели высшее образование¹³.

Во всех республиках СССР управленческий аппарат, особенно высшего звена, формировался как многонациональный. В административно-управленческом персонале кадры коренной национальности составляли от 40% (Узбекистан, Казахстан) до 70–90% (Грузия, Армения).

В предвоенной социальной структуре населения СССР значилась и такая категория, как лица «свободных профессий» — около 0,02% (адвокаты, врачи, преподаватели, художники, актеры и другие).

Особую категорию составляли священнослужители — 0,04%. В РСФСР их было менее 30 тыс. человек, причем основная их часть (21 тыс.) проживала в сельской местности. Среди служителей культа преобладали мужчины — более 90%.

Государственная политика ликвидации безграмотности (ликбез) позволила к концу 1930-х гг. добиться заметных успехов в этой сфере. Среди мужчин уровень грамотности достиг 86%, среди женщин — 66,2%¹⁴. Особенно высокие показатели были в молодежной среде: грамотой овладели свыше 90% возрастных групп 12–14 и 18–19 лет. Вместе с тем оставалось много неграмотных. Так, в возрастной группе 15–19 лет их было 5%, в возрастных категориях 30–34 года неграмотным был каждый пятый, после 40 лет — каждый третий. Характерно, что во всех категориях показатель неграмотности у женщин был выше, чем у мужчин.

Необходимо учитывать, что значительная часть функционально грамотных граждан СССР при этом не имела формального образования. Так, грамотных, но не имеющих образования граждан в возрасте старше 16 лет насчитывалось 59%.

В рабочей среде лишь 8,4% имели образование от семи классов и выше. Следует подчеркнуть, что для рабочих в СССР был открыт широкий доступ ко всем видам образования, в том числе высшему. Это, безусловно, имело большое позитивное значение. Был выдвинут лозунг «Пролетарии — в вузы!».

Специально для подготовки рабочей молодежи к поступлению в высшие учебные заведения была развернута широкая сеть рабочих факультетов, так называемых рабфаков. В 1925 г. прием рабфаковцев в промышленные вузы РСФСР составил свыше 66%. Тем не менее на выходцев из рабочих к концу 1930-х гг. приходилась только десятая часть всех выпускников вузов. В 1933–1937 гг. дипломы о высшем образовании получили примерно 90 тыс. рабочих, это около 1,5% от общего количества промышленных рабочих по состоянию на 1937 г. К 1939 г. число рабфаков сократилось.

Во всех без исключения возрастных группах — как в городе, так и на селе — в ходе Всесоюзной переписи населения 1937 г. было зафиксировано, что верующих среди лиц в возрасте 16 лет и старше оказалось больше, чем неверующих: 55,3 млн человек против 42,2 млн (56,7% и 43,3% соответственно всех выразивших свое отношение к религии). Еще 0,9 млн человек отказались ответить на этот вопрос. Процент верующих был выше в сельской местности, в старших возрастных группах, а также среди женщин. Что же касается советской молодежи, особенно проживавшей в городах, то здесь процент верующих был невелик¹⁵. В действительности, верующих было, по-видимому, даже больше, поскольку часть участников переписи, скорее всего, не решилась в той сложной ситуации открыто позиционировать свою религиозную принадлежность.

Определенная часть верующих по разным причинам (кто-то, например, разочаровался в церкви, а кто-то опасался преследований за веру) к концу 1930-х гг. перестала регулярно посещать храмы и строго соблюдать религиозные обряды. Многие культовые сооружения были закрыты или разрушены. В течение 1920–1930-х гг. все больше советских людей отходили от веры, перенимали атеистические нормы жизни. Увеличилось количество молодежи, вступавшей в пионерскую и комсомольскую организации. Росла и численность ВКП(б).

Общественно-политическая ситуация в стране и ее отражение в жизни общества

В предвоенный период в СССР сложилась противоречивая и многоаспектная общественно-политическая ситуация. Характер взаимоотношений общества и власти определялся разновекторными тенденциями.

Государству одновременно приходилось решать исключительно сложные задачи ускоренной и масштабной индустриализации; форсированной коллективизации и механизации сельского хозяйства; культурной революции, предполагавшей качественные изменения в социальной сфере. Системная модернизация страны, коренные изменения в ее экономике существенно повлияли на качество и направленность социальных процессов и духовную жизнь общества.

Политика индустриализации и коллективизации способствовала значительной миграции населения и приобщению огромного числа пришедших на производство бывших крестьян к навыкам индустриального труда и городской культуре.

Приоритет в развитии тяжелой и оборонной промышленности в ущерб промышленности легкой и пищевой носил вынужденный характер. Однако это приводило к дороговизне и дефициту товаров народного потребления и продуктов питания. В 1939–1941 гг. эта проблема обострилась настолько, что в ряде регионов вновь была введена карточная система, отмененная в масштабах страны в 1934 г.¹⁶

Освоение рабочих специальностей в учебных мастерских

Выполнение оборонного заказа

Комсомольцы за ремонтом дороги

Учащиеся рабочего факультета

На занятиях Осоавиахима

Трудовая молодежь возвращается с физзарядки

С началом третьей пятилетки на производстве обнаружилось трудности, которые привели к замедлению темпов роста экономики. Для наведения порядка на производстве руководство СССР приняло меры по ужесточению трудового законодательства и применению к нарушителям жестких административных и даже уголовных наказаний. 20 декабря 1938 г. СНК СССР утвердил постановление об обязательном введении трудовых книжек на всех предприятиях и в учреждениях. Это постановление было направлено прежде всего на борьбу с текучестью кадров.

В январе 1939 г. вышло еще одно постановление СНК СССР, согласно которому опоздание на работу свыше 20 минут приравнивалось к прогулу. Это решение явилось своеобразной предтечей указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Данный указ, принятый в условиях уже начавшейся Второй мировой войны, не только вводил ряд строгих мер за прогулы, опоздания и самовольный уход с работы, но и фактически прикреплял работника к предприятию¹⁷. В 1940–1941 гг. на основании этого указа судебные органы приговорили 3,2 млн нарушителей к шести месяцам исправительных работ без отрыва от производства с удержанием четверти заработка, еще 633 тыс. человек подверглись тюремному заключению на срок от двух до четырех месяцев¹⁸.

В октябре 1940 г. была проведена реформа фабрично-заводского обучения, имевшая большое значение для создания системы трудовых резервов, которая вполне оправдала себя в период Великой Отечественной войны. Специально созданное Управление трудовых резервов при СНК СССР (позднее — Народный комиссариат трудовых резервов) в плановом порядке занималось обеспечением предприятий истроек рабочей силой, причем основной упор делался на подготовку молодых рабочих.

Наряду с обычными школами фабрично-заводского обучения создавались ремесленные училища и ремесленно-железнодорожные училища. Было объявлено о мобилизации и призыве в школы трудовых резервов 800 тыс. юношей и девушек. Они обучались за государственный счет, обеспечивались обмундированием, довольствием и получали стипендии. Срок обязательной отработки по окончании училища увеличивался до четырех лет. В декабре 1940 г. было принято постановление, запрещающее самовольное оставление школы. За самовольный уход из училища (школы) предусматривалось уголовное наказание¹⁹.

В предвоенный период активно использовались формы материального и морального поощрения работников за качественный и производительный труд. Значительно вырос фонд заработной платы — с 82 до 127 млрд рублей. Если в 1937 г. был установлен минимальный размер заработной платы в пределах от 110 до 115 рублей, то в 1940 г. в среднем по стране зарплата составляла уже 331 рубль (у рабочих — 324 рубля, у инженерно-технических работников — 696 рублей).

В предвоенные годы был предпринят ряд важных мер, направленных на развитие социально-бытовой сферы предприятий и обеспечение преимущественного снабжения трудящихся ряда наиболее значимых отраслей экономики, в первую очередь работавших на оборону. Вводились льготы для многодетных матерей, студентов, учащихся профессиональных училищ. На предприятиях учреждались комиссии по охране труда при профкомах и вводился институт инспекторов по охране труда. При крупных предприятиях создавались собственные амбулатории и поликлиники, медико-санитарные части. Рабочим и служащим предоставлялись регулярные отпуска, для их полноценного использования ускоренными темпами создавалась санаторно-курортная база в Крыму, на Кавказе и в других регионах страны. К 1938 г. в СССР насчитывалось 1838 санаториев и 1270 домов отдыха, причем их сеть постоянно расширялась. Для ударников производства и их семей предусматривались существенные скидки при приобретении путевок.

Жилищная проблема в стране оставалась весьма напряженной. Большинство рабочих по-прежнему испытывали острую нужду в жилье (в среднем по стране на одного рабочего приходилось менее 7 кв. метров жилья)²⁰. С середины 1930-х гг. прилагались усилия по введению нового стандарта жилья: нормой должна была стать отдельная квартира для каждой

Заключенные на строительстве канала

Руководство исправительно-трудового лагеря

Заклученные Свирьлага на лесосплаве

Внутренний вид типового лагерного барака

семьи. В условиях, когда для многих, снимавших угол или живших в бараке, пределом мечтаний была комната в коммунальной квартире, такой стандарт задавал очень высокую планку качества жизни. К сожалению, добиться в этом вопросе существенного прогресса в предвоенный период не удалось.

Политические репрессии 1930-х гг., принудительные переселения прямо или косвенно затронули миллионы людей. Эти жесткие меры являлись не только проявлением политической борьбы различных течений в ВКП(б) и обществе в целом, но и в условиях угрозы близкой войны радикальным способом борьбы против «шпионов, националистов и других антисоветских элементов». Среди репрессированных в 1937–1938 гг. около 10% (55 тыс. человек в 1937 г. и более 60 тыс. в 1938 г.) составляли члены и кандидаты в члены ВКП(б)²¹. Всего в эти годы пострадало 8,5% от общего состава коммунистической партии²².

Одним из следствий политики сплошной коллективизации стали репрессии в отношении части зажиточного крестьянства, выступившей в качестве активных противников создания колхозов. Так, 30 июля 1937 г. был издан оперативный приказ наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»²³. В соответствии с этим документом более 770 тыс. человек были осуждены. При этом в число арестованных вошли почти 380 тыс. «бывших кулаков» и свыше 200 тыс. «прочих контрреволюционных элементов»²⁴. Репрессивная политика в деревне была прекращена в ноябре 1938 г., после принятия специального постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

Вхождение в состав СССР Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины усложнило социально-политическую ситуацию. В ходе «советизации» этих регионов часть населения подверглась репрессиям, что в определенной степени было обусловлено наличием на присоединенных территориях враждебных советской власти элементов и даже антисоветского подполья²⁵. В предвоенные годы органами НКВД было проведено несколько операций по выселению (депортации) десятков тысяч человек из приграничных районов в отдаленные регионы СССР. С целью ликвидации «потенциальной разведывательной базы» репрессии были также распространены на лиц, принадлежавших к национальностям «буржуазно-фашистских государств», преимущественно граничивших с СССР²⁶.

В этот же период наблюдалось усиление антирелигиозной пропаганды, сопровождавшейся закрытием храмовых зданий, монастырей, преследованием служителей культа²⁷.

По различным подсчетам, общее число репрессированных с 1935 по 1941 г. по политическим мотивам составило 1 868 085 человек²⁸.

В предвоенные годы использовалась и система принудительного труда. На 1 января 1939 г. в системе Главного управления лагерей Народного комиссариата внутренних дел (ГУЛАГ НКВД) числились почти 1,7 млн заключенных²⁹. В 1940–1941 гг. в ГУЛАГе были образованы специальные производственные управления. Заключенные использовались для работ в шахтах, на рудниках и металлургических предприятиях, на лесозаготовках. Наблюдалась и тенденция к специализации труда заключенных в соответствии с их подготовкой и квалификацией. Для ряда специальностей инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих организовывались специальные условия и устанавливались нормы оплаты труда, которые, правда, были ниже, чем в «гражданских» отраслях и сильно зависели от финансового положения мест заключения³⁰.

Репрессивная политика вызывала неоднозначную реакцию в обществе. В донесениях НКВД сообщалось, что в рабочей среде, в целом лояльной к советской власти, были те, кто остро критически характеризовали советскую действительность³¹.

Нездолго до войны значение Политбюро ЦК ВКП(б) в системе выработки и принятия решений начало меняться, что объяснялось процессом постепенного увеличения роли Совнаркома. 21 марта 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Об образовании Бюро Совнаркома». Помимо В. М. Молотова, первоначально возглавившего его как глава правительства, в состав Бюро вошли: Н. А. Вознесенский (первый заместитель), А. А. Анд-

Снос храма Христа Спасителя в Москве

Церковные колокола перед переплавкой

реев, Л. П. Берия, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. И. Микоян. На Бюро Совнаркома возлагались рассмотрение всех текущих вопросов, подготовка квартальных и месячных планов снабжения и многие другие³².

Перед войной в руководстве страной произошли новые заметные изменения. 6 мая 1941 г. И. В. Сталин сменил В. М. Молотова на посту председателя Совета народных комиссаров СССР. Это был решительный шаг, значительно повысивший роль и значение правительства в системе органов государственной власти. В. М. Молотов стал заместителем председателя СНК, сохранив за собой пост народного комиссара иностранных дел. Заместителем И. В. Сталина по Секретариату ЦК ВКП(б), то есть вторым человеком в партии, стал А. А. Жданов. Назначенный секретарем ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков сменил его в качестве куратора Управления пропаганды и агитации ЦК, одновременно сохранив за собой пост первого секретаря Московского обкома и горкома ВКП(б).

В предвоенные годы активизировалось проведение военной и военно-технической политики. Все важные административные решения, определявшие ее содержание, оформлялись совместными постановлениями ЦК ВКП(б) и СНК СССР. В качестве своеобразных «приводных ремней» государственного управления, помимо Политбюро и Совнаркома, использовались и другие, специально созданные органы власти. Так, в апреле 1937 г. был образован Комитет обороны при СНК СССР, а с ноября 1937 по март 1941 г. функционировал Экономический совет при Совнаркоме³³.

В целом, во второй половине 1930-х гг. в связи с возрастанием военной опасности была проделана большая работа по укреплению кадровой и военно-технической базы Вооруженных сил СССР. С развитием военной техники и вооружения повысилась боевая мощь и мобилизационная готовность Красной армии, значительно возрос уровень механизации и моторизации войск.

И. В. Сталин держал в поле пристального внимания подбор руководящих кадров Красной армии, от которых требовалась безусловная политическая надежность. Многие высшие командные и политические должности были доверены тем, с кем Сталин был лично связан еще со времен Гражданской войны. Одним из них был член Политбюро ЦК ВКП(б) К. Е. Ворошилов, возглавлявший военное ведомство с ноября 1925 по май 1940 г. За год до войны К. Е. Ворошилова на посту наркома обороны сменил С. К. Тимошенко.

В целом советское руководство уделяло большое внимание повышению качества подготовки командного состава армии, развивая сеть военно-учебных заведений — училищ и академий. В 1941 г., перед началом Великой Отечественной войны, подготовку военных кадров осуществляли: 15 военных академий, 10 военных факультетов при гражданских вузах, семь высших военно-морских и 203 средних военных училища и ряд других. Для переподготовки и усовершенствования командных и начальствующих кадров функционировало более 100 курсов³⁴.

В основу мобилизационных мероприятий последних предвоенных лет были положены положения «Закона о всеобщей воинской обязанности», принятого Верховным Советом СССР 1 сентября 1939 г. Согласно этому закону, воинская обязанность устанавливалась для всех слоев населения, а существовавшие ранее ограничения и запреты для отдельных социальных групп отменялись. Срок службы в Красной армии определялся в три года, на флоте — в пять лет.

Накануне нападения нацистской Германии на СССР, в середине мая 1941 г. начался призыв приписного состава на большие учебные сборы. Он дал свыше 800 тыс. человек. В целом, личный состав Вооруженных сил СССР за два с половиной предвоенных года увеличился более чем в 2,3 раза. По состоянию на 22 июня 1941 г. они насчитывали 5,7 млн человек³⁵.

Столь масштабное укрепление Вооруженных сил значительно усиливало оборонную мощь СССР и позволяло советскому военно-политическому руководству решать важные геостратегические задачи в условиях нарастания военной опасности. При этом приходилось считаться с тем, что этот необходимый процесс имел определенные негативные демографические и экономические последствия, ведь в армию призывались миллионы трудоспособных мужчин репродуктивного возраста (в основном от 19 до 40 лет). Это обостряло проблему

Л. З. Мехлис

дефицита рабочей силы в городе и на селе: всего свыше 5% от общей численности самодеятельного населения состояло на службе в Вооруженных силах³⁶.

Вопрос обеспечения политической надежности армии имел для Советского государства особое значение, и работа в этом направлении велась методично и непрерывно. 10 мая 1937 г. в Красной армии был восстановлен институт военных комиссаров. Военные комиссары вводились во всех войсковых частях и соединениях, от полка и выше, а также в штабах, управлениях и учреждениях.

30 декабря 1937 г. по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) заместителем народного комиссара обороны СССР и начальником Политического управления РККА с присвоением звания армейского комиссара 2 ранга был назначен Л. З. Мехлис. Он являлся членом ЦК ВКП(б), а в марте 1938 г. был введен в состав Оргбюро ЦК. Как заместитель наркома обороны Л. З. Мехлис вошел и в состав Главного военного совета РККА при Наркомате обороны СССР.

Вступив в новую должность, Л. З. Мехлис столкнулся с проблемой значительного некомплекта политсостава РККА. Главными причинами этого были быстрый рост численности Красной армии и политические чистки. Только в 1938 г. из Красной армии были уволены свыше 3 тыс. политработников. Чтобы ликвидировать кадровый дефицит, Л. З. Мехлис предложил выдвигать наиболее проверенных и грамотных красноармейцев и младших командиров на должности заместителей и помощников политруков. По постановлению Центрального комитета ВКП(б) от 1 апреля 1938 г. был произведен набор 5 тыс. коммунистов и комсомольцев — заместителей политруков для зачисления их в кадровый состав армии и флота и направления на учебу на курсы младших политруков³⁷.

12 августа 1940 г. институт военных комиссаров был упразднен. В Красной армии и Военно-морском флоте теперь вводились должности заместителей командиров (начальников) по политической части. В мае 1940 г. началась переаттестация политработников. К февралю 1941 г. помимо кадровых офицеров ее прошли 99 тыс. политработников запаса. Суммарная численность политсостава превысила 122 тыс. человек (при общем контингенте командно-начальствующего состава РККА в 540 тыс.)³⁸.

Военно-патриотическая и оборонная работа среди населения в предвоенные годы также являлась одним из важных направлений в деятельности партийных и государственных органов. Руководство этой работой на местах возлагалось на региональные первичные организации ВКП(б), а также на постоянно взаимодействовавшие с ними организации ВЛКСМ. Большую работу по мобилизации сил народа на отпор врагу, подготовке военных резервов, укреплению местной противовоздушной обороны вели организации Всевообуча (Всеобщее военное обучение). Для подготовки молодежи к прохождению службы в Вооруженных силах в предвоенные годы были образованы такие организации, как Союз обществ друзей обороны и авиационно-химического строительства СССР (Осоавиахим), Общество спасания на водах (ОСВОД), Общество друзей радио (ОДР), Общество содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог (Автодор) и другие.

К началу войны Осоавиахим насчитывал в своих рядах 13 млн членов, объединенных в 329 тыс. первичных организаций, которые проводили оборонно-массовую работу среди населения. В 1941 г. в Осоавиахиме завершили подготовку около 400 тыс. летчиков запаса, пилотов-планеристов, парашютистов, авиамехаников, морских специалистов, автомобилистов, мотоциклистов и связистов³⁹. Осоавиахим, будучи военизированной организацией, имел общественный статус, но фактически являлся государственной структурой, финансирование которой осуществлялось преимущественно из бюджета⁴⁰. Другим важным источником средств являлись членские взносы.

В условиях начавшейся Второй мировой войны перед Осоавиахимом была поставлена задача подготовки резерва кадров по различным военным специальностям. С марта 1940 г. вводились новые программы военного обучения. Суть их заключалась в переходе от подготовки значкистов к комплексному обучению будущего бойца, который должен был заниматься политической, строевой, огневой, тактической, физической, химической подготовкой. К началу Великой Отечественной войны по новой программе прошли обучение порядка 2,6 млн человек (более 20% от общей численности Осоавиахима)⁴¹. Осоавиахим внес большой вклад в формирование, особенно среди молодого поколения, чувства советского патриотизма. Особую актуальность приобретала военно-патриотическая работа в пограничных союзных республиках СССР, которые в 1941 г. первыми подверглись германской агрессии.

Помимо Осоавиахима оборонную работу вели и другие общественные организации. В общеобразовательных школах учащиеся привлекались к военным играм, походам, военно-физкультурным соревнованиям. Они также являлись членами оборонных кружков. Подобные мероприятия способствовали ознакомлению допризывников с материальной частью оружия, получению знаний по топографии, улучшали их общую физическую подготовку⁴².

Идеологическая подготовка к обороне страны и общественные настроения накануне войны

Система идеологической работы в СССР на рубеже 1930–1940-х гг. отличалась высокой централизацией и жестким государственным контролем. Руководство ею осуществлялось Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

Советская пропагандистская система активно использовала в своей повседневной деятельности периодическую печать, которой отводилась большая роль. Подчеркивая ее значение, И. В. Сталин на заседании Политбюро 11 октября 1938 г. заявил: «Печать — это такая вещь, которая дает возможность ту или иную истину сделать достоянием всех»⁴³.

Накануне Великой Отечественной войны в СССР имелось свыше 1800 периодических изданий, общий годовой тираж которых достигал 245 млн экземпляров. Помимо этого выпускалось 8800 наименований ежедневных газет разовым тиражом порядка 40 млн экземпляров, а годовым — 7,5 млрд экземпляров⁴⁴. Особое значение имела система организации агитации и пропаганды в армейских структурах. Накануне войны выходили четыре центральные, 21 окружная, 22 армейские и флотские газеты общим тиражом 1 млн 840 тыс. экземпляров. Кроме того, выпускались три газеты особых корпусов и 692 многотиражки соединений и военно-учебных заведений⁴⁵.

Контроль над печатью и литературой осуществляло Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), сотрудники которого предварительно просматривали предназначенные для публикации материалы. На них также возлагалась задача проведения в жизнь государственной политики в области печати, деятельности издательств, библиотек, книжных магазинов. Цензоры центральных газет входили в номенклатуру ЦК ВКП(б). Цензоры газет в республиках, краях, областях, районах утверждали на заседаниях ЦК партий союзных республик, крайкомов, обкомов, райкомов. Они строго следили за соблюдением требований «Перечня сведений, составляющих государственную тайну»⁴⁶. Предварительно проверялось содержание почти 40 тыс. названий книг общим тиражом около 700 млн экземпляров⁴⁷.

Комитет по контролю над репертуаром, преобразованный в феврале 1934 г. в Главное управление по контролю над зрелищами и репертуаром, отвечал за политико-идеологический контроль над кинематографом, театральной и музыкальной деятельностью.

В проведении внешнеполитической пропаганды ведущая роль принадлежала Народному комиссариату иностранных дел СССР (НКВД), в структуру которого входил, в частности, Отдел печати, чьи сотрудники привлекались к предварительному просмотру статей на международные темы, предназначенных для публикации в центральной советской прессе.

В 1925 г. было создано Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС), которое постепенно превратилось в центральный государственный информационный орган. С ноября 1934 г., согласно постановлению ЦК ВКП(б), ТАСС получил исключительное право распространения иностранной и общественной информации внутри страны⁴⁸.

Важную роль в пропагандистской деятельности играло радио. Ежедневный общий объем эфирного времени центральных, республиканских и местных радиостанции составлял 383 часа. Центральное радиовещание включало передачи на 14 иностранных языках, ориентированные на зарубежного слушателя. Ежедневно в эфир передавалось свыше 30 печатных листов текста⁴⁹. В рамках Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР, созданного в 1933 г., имелся Иностраный отдел (Инорадио), отвечавший за радиовещание на иностранных языках⁵⁰.

Большое внимание Советское государство уделяло развитию литературы и искусства. Интеллектуальная элита страны (писатели, журналисты, художники и другие) постоянно находилась в поле зрения политического руководства. В стране насчитывалось 45 тыс. писателей, журналистов, редакторов, еще около 100 тыс. человек составляли «культурно-политико-просветительский персонал». В сфере устной агитации и пропаганды к началу Великой Отечественной войны были задействованы более 112 тыс. человек⁵¹. Особое значение придавалось кинематографу.

Накануне войны национальной идеей, объединявшей общество и реально способствовавшей его консолидации, была тема противостояния внешней военной угрозе. Не всегда ожидания войны связывались в обществе с международным положением, иногда они вызывались и внутрисполитическими событиями. Например, многочисленные займы, на которые организовывалась обязательная подписка, воспринимались в массовом сознании как часть оборонной политики.

Колонна японских танков в Китае. 1937 г.

Военнослужащие Красной армии в Бресте. 1939 г.

С начала 1930-х гг. опасность войны становилась все более реальной. В 1931 г. Япония, захватив Маньчжурию, начала широкомасштабную агрессию в Китае. В результате очаг войны возник непосредственно у дальневосточных границ СССР. В 1935–1936 гг. фашистская Италия захватила Абиссинию. При этом Лига Наций, как и в случае с японской агрессией против Китая, оказалась бессильна обуздать агрессора. Но главная опасность исходила от Германии, где в 1933 г. к власти пришли нацисты во главе с А. Гитлером.

Советское руководство предпринимало системные меры для предотвращения войны, но все попытки создания единого антифашистского фронта с Западом оказались, как известно, безуспешными. Начало Второй мировой войны стало побудительной причиной для активизации пропагандистской идеологической работы среди гражданского населения и личного состава Вооруженных сил СССР.

Следует отметить, что отличительной особенностью большинства советских людей было понимание благородной цели защиты своего Отечества. Государственный патриотизм, сплоченность, гражданская зрелость перед войной все более становились основой поведения граждан. Эти качества успешно использовались государством с целью мобилизации общества и подготовки его к отражению агрессии.

Если среди наиболее вероятных противников СССР в 1920-е и в начале 1930-х гг. назывались Япония, Англия, Польша, то с 1933 г. — все чаще Германия. Приход нацистов к власти привел к быстрым изменениям в двусторонних советско-германских отношениях и к серьезным корректировкам в советской пропаганде, которая постепенно стала принимать антифашистский (а объективно в некоторой степени и антигерманский) характер.

Антифашистская направленность пропаганды встречала горячий отклик в обществе. Большие опасения у советских людей вызывали планы гитлеровцев по захвату «жизненного пространства», их расовая теория, репрессии против коммунистов, антисемитская политика⁵². В массовом сознании формировалось устойчивое представление о Германии как об основном источнике военной угрозы.

Подписание советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. было встречено в советском обществе со смешанными чувствами. С одной стороны, явно ощущался шок от внезапного изменения тона советской пропаганды; с другой — советско-германский договор гарантировал мирное будущее на ближайшее время и поэтому был воспринят с определенным облегчением. Кроме того, в результате подписания пакта советская граница отодвигалась на запад и предотвращалось возможное соглашение между Гитлером и западными державами, чего не без оснований опасались в СССР. К тому же ни Англия, ни Франция, объявив войну Германии, вопреки своим обещаниям так и не пришли на помощь Польше.

Определенный геополитический выигрыш от пакта Молотова — Риббентропа и договора о дружбе и границе между СССР и Германией сопровождался издержками в духовной сфере. Советская пропаганда начала культивировать пусть сдержанные, но все же «дружественные чувства» к Германии. Однако этой линии предшествовала многолетняя и интенсивная антинацистская кампания, которая являлась закономерным ответом СССР на внутреннюю и внешнюю политику А. Гитлера. Теперь же цензурным запретам подвергались произведения литературы и искусства, кинематографа, театральные постановки, статьи в периодической печати, прямо или косвенно связанные по своей тематике с возможным вооруженным конфликтом между СССР и Германией. В прессе стали даже появляться материалы об успехах вермахта в военных кампаниях 1939–1940 гг. Столь радикальная смена акцентов не могла не вызывать определенного недоумения и даже раздражения в обществе.

Нападение Германии на Польшу, знаменовавшее собой начало Второй мировой войны, оценивалось в советском обществе неоднозначно. Отношение к этой стране как к государству, проводившему по отношению к СССР враждебную политику, было сложным, и порой в этой связи высказывались весьма жесткие оценки: «Польша своим криком и дерзким поведением вынудила Германию выступить»⁵³. Однако преобладали другие настроения. Как вспоминал позднее писатель К. М. Симонов, после начала войны его сочувствие, как и его товарищей по редакции военной газеты, было на стороне поляков. К. М. Симонов так аргументировал

эту позицию: во-первых, сильнейший напал на слабейшего; во-вторых, несмотря на пакт о ненападении, никто не хотел победы фашистской Германии в начавшейся европейской войне, тем более легкой победы. «Быстрота, с которой немцы ворвались и шли по Польше, огорошивала и тревожила»⁵⁴.

Что касается общественной реакции на поход Красной армии в Западную Украину и в Западную Белоруссию осенью 1939 г., то она была в целом позитивной. Многие граждане публично высказывались в поддержку этой внешнеполитической акции СССР. Эти оценки справедливы не только в отношении гражданского населения, но и военнослужащих Красной армии.

Военная операция, направленная на помощь «братьям белорусам и украинцам», которые «подвергались угнетению со стороны польских панов», вызвала заметный рост патриотических настроений, инициировала массовые выражения чувства классовой солидарности. Это относилось ко всем группам населения. Одни приветствовали возможность распространения социализма на новых территориях, другие — восстановление законных границ и интересов России. Академик В. И. Вернадский, в частности, записал в своем дневнике 3 октября 1939 г.: «Захват (Западной) Украины и Белоруссии всеми одобряется... политика Сталина — Молотова реальная и, мне кажется, правильная, государственная — русская»⁵⁵.

Подобная позиция отнюдь не была исключением. Отношение таких видных историков, как Ю. В. Готье, Б. Д. Греков, В. И. Пичета, Е. В. Тарле, к разделу Польши демонстрирует их поддержку внешнеполитических акций советского руководства. Большинство из них рассматривали Западную Украину и Белоруссию как осколки Киевской Руси и тем самым находили историческую справедливость в их присоединении. Хотя их взгляды отличались известным либерализмом, это не помешало им принять самое активное участие в пропагандистской кампании по поводу воссоединения Украины и Белоруссии⁵⁶. К. М. Симонов встретил вступление советских войск на территорию Польши «с чувством безоговорочной радости»⁵⁷.

Впрочем, среди интеллигенции встречались и иные настроения. В частности, А. А. Ахматова в ноябре 1940 г. объясняла свое нежелание публиковать работу о А. С. Пушкине и А. Мицкевиче (с нелестными замечаниями по поводу последнего) так: «Сейчас не время обижать поляков»⁵⁸.

Воссоединение с западными областями Украины и Белоруссии, включение Бессарабии, Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР характеризовалось как пример решения двуединой задачи: укрепления безопасности СССР и освобождения народов от капиталистического гнета. В таком же ключе интерпретировались итоги Советско-финляндской войны 1939—1940 гг.

В этот период, когда вопрос о потенциальных противниках и союзниках СССР в Европе был особенно актуальным, в массовом сознании Англия и Франция считались противниками СССР. Если начало войны между СССР и Финляндией вызвало у противников советской власти надежды на вмешательство Запада, то заключение мира у них же порождало сильное разочарование, так как они рассчитывали на военное поражение Советского Союза и его крушение.

После заключения пакта Молотова — Риббентропа Англия и Франция характеризовались советской официальной пропагандой как главные виновники войны и потенциальные противники. Например, в директиве Исполкома Коминтерна руководству английской компартии в сентябре 1939 г. отмечалось: «Не фашистская Германия, пошедшая на соглашение с СССР, является опорой капитализма, а реакционная антисоветская Англия с ее огромной колониальной империей»⁵⁹.

Среди представителей интеллигенции бытовало мнение, что в войне в Европе нет ни правых, ни виноватых, но в любом случае она выгодна для СССР. К. И. Чуковский в своем дневнике приводит такие слова А. А. Ахматовой, сказанные в августе 1940 г.: «Каждый день война работает на нас. Но какое происходит одичание англичан и французов. Это не те англичане, которых мы знали... Я так и в дневнике записала: «Одичалые немцы бросают бомбы в одичалых англичан»⁶⁰. Впрочем, тогда же А. А. Ахматова написала трагическое стихотворение о падении Парижа, в чем она «услышала горе всего мира», и известное сти-

хотворное послание, обращенное к лондонцам⁶¹. Поражение и оккупация Франции у многих вызвали смешанные чувства. Одни сочувствовали «прекрасному народу», переживающему ужас военного разгрома⁶², другие порицали воинственную политику Парижа, приведшую к военному поражению⁶³.

Постепенно в ходе Второй мировой войны, особенно во время «битвы за Британию», прежнее недоверие к Англии в какой-то степени сменилось сочувственным и уважительным отношением. В книге британского журналиста А. Верта можно найти такие отклики его советских собеседников, относящиеся к 1940 г.: «Знаете, сама жизнь научила нас быть против англичан — после этого Чемберлена, Финляндии и всего прочего. Но постепенно, как-то очень незаметно мы начали восхищаться англичанами, потому, очевидно, что они не склонились перед Гитлером»⁶⁴. В июле 1941 г. историк, архивист, директор Архива АН СССР в Ленинграде Г. А. Князев, вспоминая предвоенную ситуацию, отметил в своем блокадном дневнике: «Пример лондонцев, переживших небывалые разрушения, должен стоять перед нами. Лондонцы не дрогнули. Не дрогнем и мы!»⁶⁵

Несмотря на все повороты советской внешней политики, в массовом сознании именно Третий рейх оставался самым вероятным потенциальным противником. Достаточно свидетельств тому, что пакт Молотова — Риббентропа многими воспринимался как тактический ход советского правительства. Люди помнили о союзе с Францией и Великобританией в годы Первой мировой войны, когда Германия, напротив, выступала противником. С конца 1930-х гг. слухи о грядущей войне с Германией то возникали, то затихали. Об этом, например, неоднократно пишет в своем дневнике академик В. И. Вернадский⁶⁶. Очередной всплеск военных ожиданий пришелся на осень 1940 г. (визит В. М. Молотова в Берлин), причем многие тогда терялись в догадках — с кем именно предстоит воевать. В целом, надо признать, общество жило предчувствием большой войны.

Осложнение международной обстановки, вооруженные конфликты на Дальнем Востоке актуализировали задачу воспитания патриотизма, гордости за свою Родину. Например, действия бойцов и командиров Красной армии по отражению японской агрессии у озера Хасан и реки Халхин-Гол рассматривались как образец героизма и самоотверженности, который был так необходим перед лицом нарастающей военной опасности. Идеологическая работа способствовала тому, что это действительно становилось примером для подражания.

Однако в канун войны у значительной части общества сформировались достаточно сильные настроения предопределенности победы над любым агрессором, поскольку трудящиеся капиталистических государств глубоко враждебны своим правительствам и в случае войны перейдут на сторону СССР. Эта установка оказалась ошибочной и сыграла дезориентирующую роль. Преувеличивалась и мощь Красной армии: постепенно в связи с внешнеполитическими успехами СССР, развитием экономики и оборонной мощи стали появляться шапкозакидательские настроения. В конце 1930-х гг. все чаще раздавались голоса: «Прозевали [агрессоры], теперь нам воевать не страшно»⁶⁷. Постепенно формировалось «оборонное сознание» общества, готовность к победоносной войне «малой кровью, могучим ударом, на чужой территории». На эти идеи работали все средства искусства и пропаганды, включая драматургию, литературу, кинематограф⁶⁸.

В любом случае, об опасности войны не забывали. Слова И. В. Сталина о том, что необходимо сделать так, чтобы «никакая случайность и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох»⁶⁹, воспринимались как руководство к действию. С лета 1940 г. общий тон советской пропаганды, смягчившийся по отношению к Германии со времени заключения с ней пакта о ненападении, изменился в сторону большей жесткости. Многие стали понимать, что СССР не избежать большой войны.

Таким образом, в предвоенные годы идеологическая работа в СССР проводилась достаточно эффективно, обеспечивая широкую общественную поддержку внешнеполитическим действиям правительства. Несмотря на неизбежные издержки и допущенные ошибки в трактовках будущей войны, задачи, стоявшие перед советской оборонной пропагандой, были в целом успешно решены.

подавляющая часть населения СССР, несмотря на разницу в социальном положении, уровне образования, различиях в своих политических и религиозных убеждениях, была настроена глубоко патриотично и морально готова к защите своего Отечества. В стране проводилась активная оборонно-массовая работа. Внешнеполитические акции советского руководства 1939–1940 гг., направленные на укрепление стратегических позиций СССР в преддверии неизбежной войны, пользовались широкой общественной поддержкой. Красная армия значительно выросла численно и укрепилась в военно-техническом отношении.

Однако война, о приближении которой знали и к которой готовились, во многом оказалась не соответствовавшей ожиданиям. Многие распространенные представления о революционном взрыве на Западе, о немедленном переходе Красной армии в наступление, о скорой победе, свойственные прежде всего молодому поколению, были иллюзорны.

22 июня 1941 г. предвоенная эпоха закончилась, началась Великая Отечественная война, ставшая тяжелейшим испытанием для Советского государства, проверкой на прочность его экономики, социальной, политической и духовной сфер общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Население России в XX веке: Исторические очерки в 3-х т. Т. 2. 1940–1959 гг. М., 2001. С. 7–8.
- ² *Кожурин В. С.* О численности населения СССР накануне Великой Отечественной войны (неизвестные документы) // Военно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 21–26; *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л.* Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998. С. 157–159.
- ³ Население России в XX веке. С. 15.
- ⁴ Народное хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1956. С. 17–18; Народное хозяйство СССР. 1922–1972. Стат. сб. М., 1972. С. 9–10.
- ⁵ Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. Стат. ежегодник. М., 1987. С. 8.
- ⁶ Население Советского Союза. 1921–1991. М., 1993. С. 158.
- ⁷ *Жиромская В. Б.* Основные тенденции демографического развития России. М., 2012. С. 100.
- ⁸ *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 92.
- ⁹ *Араловец Н. А.* Городская семья в России 1927–1959 гг. Тула, 2009. С. 86–89.
- ¹⁰ Там же. С. 92–95.
- ¹¹ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 242. Л. 4.
- ¹² *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 136–139.
- ¹³ Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 39.
- ¹⁴ *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 179.
- ¹⁵ Всесоюзная перепись населения 1937 года: краткие итоги. М., 1991. С. 106–107.
- ¹⁶ *Осокина Е. А.* Люди и власть в условиях кризиса снабжения 1939–1941 гг. // Отечественная история. 1995. № 3. С. 16–32.
- ¹⁷ *Мухин М. Ю.* Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М., 2011. С. 238.
- ¹⁸ Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 57.
- ¹⁹ Там же. С. 51–52.
- ²⁰ Там же. С. 54–56.
- ²¹ *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М., 2008. С. 121.
- ²² *Степанов А. Ф.* Политические репрессии, большой террор 1937–1938 гг. как средство социальной инженерии // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г. М., 2013. С. 242.
- ²³ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. Док. № 151, 152.
- ²⁴ *Петров Н., Янсен М.* Указ. соч. С. 106; Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 4. 1935–1939. М., 2012. С. 28–29.
- ²⁵ Теория и практика западно-украинского национализма в документах НКВД, МВД и МГБ СССР. Сб. документов. М., 2010.
- ²⁶ *Петров Н., Янсен М.* Указ. соч. С. 106.
- ²⁷ Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. В 6-ти т. Т. 1. 1917–1941. Екатеринбург, 2005. Док. № 248.
- ²⁸ *Земсков В. Н.* Правда о репрессиях в СССР. Против спекуляций, извращений и мистификации // Противодействие современным фальсификаторам истории Великой Отечественной войны. М., 2010. С. 52.

- ²⁹ *Петров Н., Янсен М.* Указ. соч. С. 121.
- ³⁰ Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 53.
- ³¹ *Фельдман М. А.* Советское решение рабочего вопроса на Урале (1929–1941 гг.) // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 129.
- ³² *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 253.
- ³³ Там же. С. 251–253; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 2013. С. 241–243.
- ³⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 551.
- ³⁵ Там же. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 65.
- ³⁶ *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2008. С. 275.
- ³⁷ Партийно-политическая работа в Красной армии: Документы. Июль 1929 — май 1941 г. М., 1985. С. 500.
- ³⁸ 1941 год — уроки и выводы. М., 1992. С. 48.
- ³⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. С. 511–512.
- ⁴⁰ Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 50.
- ⁴¹ *Орлов И., Горлов А.* Пропагандистская работа в Осовиахиме накануне Великой Отечественной войны // Власть. 2007. С. 101.
- ⁴² *Антимонов М. Ю.* «Если завтра война...»: моральная и физическая подготовка советского старшеклассника к защите Отечества // История в подробностях. 2011. № 5. С. 28–35.
- ⁴³ Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1938. В 3-х т. Т. 3. 1928–1938. С. 691.
- ⁴⁴ Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972. С. 453.
- ⁴⁵ Советский Союз: накануне великих испытаний. М., Клинцы, 2004. С. 548.
- ⁴⁶ *Горяева Т. М.* Советская политическая цензура (История, деятельность, структура) // Исключить всякие упоминания... Очерки истории советской цензуры. Минск, 1995. С. 20, 27, 30, 35.
- ⁴⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 9425. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.
- ⁴⁸ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд. 9-е. Т. 7. М., 1985. С. 181.
- ⁴⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 73. Л. 18.
- ⁵⁰ Ялта. 1945 год. Проблемы войны и мира. М., 1992. С. 166, 169.
- ⁵¹ Советская культура в реконструктивный период. 1928–1941. М., 1988. С. 212.
- ⁵² См.: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов российского общества первой половины XX в. М., 1998. С. 95, 149, 159–160.
- ⁵³ Цит. по: Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003. С. 19.
- ⁵⁴ *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1988. С. 79.
- ⁵⁵ *Вернадский В. И.* Дневники 1935–1941. В 2-х кн. Кн. 2. 1939–1941. М., 2006. С. 56.
- ⁵⁶ *Токарев В. А.* В фарватере советской пропаганды 1939 г. (к стратегии выживания старшего поколения историков) // Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции. Пермь, 2002. С. 199–200.
- ⁵⁷ *Симонов К.* Указ. соч. С. 80.
- ⁵⁸ *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Т. 1. М., 1997. С. 224.
- ⁵⁹ Цит. по: *Фирсов Ф. И.* Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 22.
- ⁶⁰ *Чуковский К. И.* Дневник (1930–1969). М., 1995. С. 155.
- ⁶¹ См.: *Чуковская Л. К.* Указ. соч. Т. 1. С. 171. Имеются в виду стихотворения «Когда погребают эпоху...» и «Лондонцам».
- ⁶² *Вишневский Вс.* Собрание сочинений. В 6-ти т. М., 1961. Т. 6. С. 314.
- ⁶³ *Эфрон Г. С.* Дневники. В 2-х т. Т. 1. М., 2007. С. 58.
- ⁶⁴ *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. М., 2001. С. 64–65.
- ⁶⁵ *Князев Г. А.* Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 96.

⁶⁶ *Вернадский В. И.* Указ. соч. Кн. 2. С. 135–136.

⁶⁷ Центральный архив общественно-политической истории Москвы (далее — ЦАОПИМ). Ф. 3. Оп. 49. Д. 16. Л. 26.

⁶⁸ См.: *Сенявская Е. С.* 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

⁶⁹ Цит. по: *Чалая З.* Оборонная драматургия (опыт исследования нашей творческой работы в свете задач современности). М., Л., 1938. С. 3.